

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Мученики Шипки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Мученики Шипки / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 172 с.

ISBN 978-5-519-99134-6

ISBN 978-5-519-99134-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

точно сѣрая змѣя, двигается съ самаго утра какой-то полкъ... Какъ люди ухитряются выдерживать могучіе удары бури, какъ они идутъ тамъ, гдѣ гибнутъ горные орлы,—совсѣмъ не понятно... Полкъ то пропадаетъ въ бѣлой тучѣ снѣга, то опять выступаетъ на свѣтъ, когда туча, на минуту окутавшая его, улетаетъ въ сторону... Полкъ кажется однимъ живымъ существомъ. Видимо, люди держатся локоть къ локтю. Идутъ густою толпою, сознавая, что въ одиночку тутъ погибнешь безъ слѣда... Словно они сцѣпились, во всей этой массѣ живыхъ существъ,—одинъ мозгъ и одна воля, а буря, точно желая заживо схоронить дерзкихъ, набрасываетъ на нихъ высокіе сугробы снѣга... На секунду голова колонны пропадаетъ въ немъ; но вотъ въ бѣлой массѣ что-то чернѣется, какое-то пятно проступаетъ... Пятно опредѣляется и растетъ; еще минута, и сѣрая змѣя насквозь уже проникаетъ эту бѣлую массу... А спустя двѣ-три, сугробъ, растоптанный сапогами солдатъ, уже не мѣшаетъ имъ идти дальше... Нѣсколько конныхъ фигуръ впереди — эти совсѣмъ ныряютъ въ снѣгу... Медленно, очень медленно подвигаются солдаты... Иной разъ, точно обезсилѣвъ, весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, останавливается и начинаетъ топтаться на мѣстѣ... Видимое дѣло — полку совсѣмъ не сладко... Третій часъ уже идетъ онъ вторую версту, а до позицій, на которыя его направили изъ Габрово,—добрыхъ шестнадцать!.. Въ бѣломъ маревѣ грозы видно, что слабыхъ ведутъ подъ руки сильные. Въ эту бурю отстать, значить, погибнуть. Захлещетъ вихремъ, занесетъ снѣгами...

Точно избѣгая горныхъ ущелій, которыя въ одну минуту могла бы доверху забросать непогода цѣлыми горами снѣга, полкъ двигается не по дну ихъ, а лѣпитъ по скатамъ... Еще труднѣе двигаться на этихъ кручахъ. Буря толкаетъ внизъ, нога скользитъ на обледенѣлыхъ косогорахъ... Иной разъ голова такъ закружится, что, казалось бы, гораздо легче сбросить прочь ружье и ранецъ и добро-

вольно скинуться самому на самый низъ лощины... Она тянетъ солдатъ къ себѣ, манить ихъ... Кровь бьетъ въ голову, ноги отекаютъ; кажется, вотъ - вотъ обезсилѣютъ и отнимутся. Сердце бьется съ болью и натугой въ усталой груди. Дышать даже становится больно и трудно, потому что вѣтромъ срываетъ воздухъ прочь, стужа проникаетъ въ самую грудь, вызывая въ ней хриплый кашель... Снѣгъ залѣпливаетъ глаза и уши. Въ сторонѣ его, въ свистѣ мятели, въ могучемъ грохотѣ лавинъ, срывающихся внизъ по сторонамъ, пропадаютъ голоса. Полкъ точно призракъ, его не слышно... Ослѣпшая отъ ударовъ снѣга и бури, черная птица ударилась въ лицо солдату и скользнула, точно черный платокъ, внизъ... Деревья попались на пути. Солдаты хватаются за нихъ руками и, пригибая головами къ корявымъ стволамъ, отдыхаютъ одну минуту... Уставшимъ чудится, что ихъ кто-то хватается за руки, тянетъ прочь, — такъ силенъ напоръ вѣтра... По пути провалы и рвы. Передніе уходятъ въ нихъ съ головою. Товарищи вытаскиваютъ ихъ. И все это дѣлается молча, безъ криковъ, безъ шутокъ... Развѣ вздохнетъ только кто-нибудь да такъ про себя пуститъ: „эхъ ты, жизнь солдатская!..“

Голова колонны обогнула ужъ выступъ Дервишъ-Беира.

Передъ нею обледенѣлая площадка... Вихремъ смело снѣгъ съ нея... Хоть на конькахъ катайся... Что-то черное впереди... Осторожно придвигаются впередъ солдаты... Черное опредѣляется... Передніе тише идутъ, какъ испуганныя лошади, поворачивая головы въ сторону, къ этому черному, вглядываются, приостанавливаясь и тяжело дыша... Еще секунда — и шапки прочь. Усталыя руки творятъ кресты...

— Господи, спаси!.. Ишь, сердечный...

— Ахъ, ты, жизнь солдатская!.. Присталъ, должно быть!..

— Поднять бы!..

— Стой!.. — слышится команда спереди.

— Стой, стой!.. — подхватываютъ ее сзади... Перекиды-

ваютъ по тѣмъ взводамъ, которые еще за Дервишъ Беиромъ борятся съ кручей и ударами вѣтра... Солдаты приостанавливаются. Сдвигаются ближе вокругъ *этого чернаго*, встрѣтившагося имъ на пути... Кружкомъ сдвигаются... Теперь это черное уже въ центрѣ круга... Неподвижное...

Лежить себѣ солдатъ четырнадцатой дивизіи... Лежить, раскинувшись... Рѣсницы запущены снѣгомъ, а глаза открыты и въ упоръ смотрять на тучи, быстро бѣгушія по безпросвѣтному небу... Любо отдохнуть усталому — руки раскинулъ... Кепку снесло куда-то вѣтромъ. Въ волосахъ снѣгъ... Космами ко лбу примерзали...

— Ахъ, ты, Господи!..—шепчутъ кругомъ солдаты.

— Приподымите-ка его, ребята!—приказываетъ офицеръ изъ молодыхъ, съ видимымъ сожалѣніемъ вглядываясь въ лицо трупа.

Ближайшіе наклонились. Попробовали. Еще разъ принялись,—все также неподвижно смотреть вверхъ замерзшій.

— Нельзя, вашбродь! — съ натугою выпрямились опять, видимо, съ болью разгибая спины.

— Почему нельзя?..

— Земля не пускаетъ...

Видимо, примерзъ къ землѣ, приледенъ къ ней... Не оторвать... За голову подняли,—ничего не подѣлаешь, точно онъ затылкомъ опирается въ ледъ... Точно самъ мертвецъ не хочетъ поднять головы.

Голова колонны двинулась дальше... Проходя мимо, солдаты крестятся и скидаютъ кепки; усталые при видѣ трупа обрѣтаютъ новыя силы; отстать,—ляжешь такимъ же.

Нѣкоторые изъ солдатъ на пути наклонялись, схватывали горсть снѣгу и жевали его, освѣжая высохшій отъ усталости ротъ.

— Турскій квасокъ! — попробовалъ, было, пошутить одинъ:—ишь, онъ какой!..

Сосѣдъ только съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— У насъ теперь чудесно!..

— Тепло... Печи теперь затопятъ—чудесно!..

— Тепло—это точно... Вотъ онѣ, Балканы-то какія!..

— А ты думалъ сахарныя,—попробовалъ, было, пошутить опять солдатикъ, наглотавшійся турецкаго кваску.

— Не взойти!—оглянулся одинъ на почти отвѣсный обрывъ горы.

— Какъ туда взойдешь!?..

— Никакъ нельзя!.. Ишь ты: что стѣна!..

— А ежели прикажутъ,—взойдешь!

— Ежели прикажутъ — точно что! — немедленно согласился первый, оглядывая крутизну Дервишъ-Беира.

Солдатики смотрѣли захирѣлыми.. Худые, блѣдные, усталые, съ синими подтеками на щекахъ, съ тусклыми глазами... Видимое дѣло, болгарскіе кормы не впрокъ. Цѣлыя недѣли безъ отдыха на трудномъ походѣ, впроголодь; живо износился этотъ полкъ — одинъ изъ только недавно перешедшей Дунай двадцать - четвертой дивизіи. Тотъ, кто ее видѣлъ недавно — щеголеватой, одѣтой съ иголочки, не узналъ бы теперь вовсе въ оборванныхъ и захирѣлыхъ кирилкахъ вчерашнихъ молодцовъ.

— Можно ли вести полкъ въ такую погоду!—недовольно обернулся полковой командиръ къ ближайшимъ офицерамъ.

— Порастеряемъ народу не мало...

— А послушаться нельзя...

— Хоть бы село какое...

— А что?

— Можно было бы разставить солдатъ по домамъ, пока не уймется вьюга.

— Да какъ вы до села теперь доберетесь?

— Ну, вотъ!..

— Разумѣется... Все занесено снѣгомъ. И входы, и выходы... Отъ села только бѣлые бугры торчатъ... Вотъ, можетъ быть, село—чортъ его разобреть!

И говорившій взмахнулъ на право, гдѣ въ долинѣ бѣлѣли неподвижные сугробы снѣга.

— Все бы чернѣлось что-нибудь.

— Да вѣдь вьюга какая! Съ крышами похоронить... Вонъ роща — какіе дубы, а посмотрите: только верхушки торчатъ изъ-подъ снѣгу!.. Сплошь занесло ее.

Одна кучка солдатъ остановилась вплотную другъ къ другу, плечомъ къ плечу и тяжело дышитъ, выдерживая напоръ вѣтра... Вихрь точно задался цѣлью во что бы то ни стало сорвать ихъ внизъ... То налетитъ спереди, то слѣва ударить... Солдаты только тѣснѣе жмутся, сдвигаясь такъ, что скоро нельзя было бы руки продвинуть между ними. Потрепалъ, потрепалъ вѣтеръ, отбѣжалъ прочь, и только что эта толпа разошлась, было, какъ вдругъ налетѣлъ съ визгливымъ хохотомъ, сбрасывая внизъ въ снѣгъ и такъ на мѣстѣ опрокидывая обманутыхъ его хитростью пѣшихъ... Руки ушли въ снѣгъ — смокли; смокли и лица... Вытереть нечѣмъ. Все въ снѣгу; а непогода дуетъ пронзительной стужей, и капли воды на голомъ тѣлѣ леденѣютъ... Лица и руки синѣютъ, морозъ щиплетъ ихъ; глазамъ смотрѣть больно, дышать трудно... Кажется, буря до самаго сердца добратся хочетъ, чтобы и его неровно-бьющееся, больное, измученное, сжать въ одинъ неподвижный комъ льда...

Позади по всему пути, пройденному полкомъ, уже валялись отставшіе, которыхъ были не въ силахъ подбодрить или поддержать усталые товарищи. Лазаретныя фуры опрокинуло непогодой при самомъ выѣздѣ изъ Габрова, — тамъ онѣ и остались. Отсталые рѣдко гдѣ лежали по двое, по трое, чаще въ одиночку... Вокругъ нихъ уже хлопотала вьюга. Точно лелѣя первыя свои жертвы, она закутывала ихъ въ мягкое бѣлое покрывало снѣга. Тѣ, тяжело дыша, старались приподняться, сбросить съ себя холодные саваны, собирая послѣднія усилія, дѣлали нѣсколько шаговъ и

опять падали лицомъ въ мягкую, рыхлую массу снѣга... Быстро леденѣли мокрыя ноги, покрываясь корою; чудилась теплая изба; слышались родные голоса; сладко засыпалось утомленному, такъ сладко, что когда товарищеская рука будила его, засыпающій злобно ругался и, поворачивая прочь отъ наклонившагося къ нему лица, погружался въ еще болѣе сладкій и пріятный сонъ...

— Ляксѣй, Ляксѣй!.. — тормошилъ молодого солдата остановившійся надъ нимъ товарищъ.

— Ну тебя!.. Ступай къ чорту!..—бормоталъ сквозь зубы лежащій.

— Замрешь, вставай!..

— Ладно... потрудились, будетъ... спать хочу...

Силой подымалъ товарищъ, ставилъ упавшаго на ноги; но усталый не находилъ мочи даже раскрыть глазъ, и какъ только товарищъ оставлялъ его, словно подрѣзанный, опять падалъ въ снѣгъ. Грузно падалъ, не чувствуя боли отъ ушибовъ, не сознавая, что съ нимъ, гдѣ онъ.

Ни зги не видно было кругомъ. Когда вѣтеръ утихалъ и снѣговья тучи разсѣивались,— на далекое пространство открывалась и то на одну-двѣ секунды безконечная панорама горныхъ вершинъ, бѣлыхъ среди бѣлаго пейзажа. Не успѣвали солдаты окинуть перспективу ожидавшаго ихъ пути, какъ вѣтеръ срывался опять съ какого-нибудь горнаго склона и наносилъ на нихъ новыя бѣлыя массы снѣгу... Около одного изъ лежавшихъ солдатъ сидѣлъ, всхлипывая, другой, совсѣмъ молодой еще парень... Шелъ мимо, опираясь на прикладъ ружья, старый унтеръ... Посмотрѣлъ минутой...

— Чей ты?..

— Братъ кончается... — и опять давай, покачиваясь головой впередъ, всхлипывать.

— Подъ руки ты его возьми...

— Ничего не можетъ... Силы моей нѣтъ... Я ужъ его на себя взялъ—да упалъ... Мочи не стало...

— Давакошь вмѣстѣ...

Подошелъ, поднялъ засыпавшаго... Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, оказалось, что и братъ ходить не можетъ... Ноги отнялись совсѣмъ.

— Эко горе-то, горе какое!..

Старикъ унтеръ поболтался, поболтался... Оставилъ спавшаго и прочь пошелъ...

Плачь ему вслѣдъ послышался,— не оглянулся. Все равно помочь нечѣмъ. Дай Богъ силы самому не улечься...

— Хорошій солдатъ былъ, тверезый!—разсуждалъ онъ самъ про себя, съ трудомъ передвигая ноги въ густомъ мѣсивѣ снѣга, наметнувшемся цѣлыми горами на его пути.

На десятой верстѣ отъ Габрова полкъ, до того шедшій сплошной стѣной, разбился на отдѣльныя кучки.

— Этакъ солдатъ не доведешь совсѣмъ! — остановился полковникъ.

— Никто какъ Богъ!..

— Отвѣчать-то вѣдь буду я..

— Нужно было къ Радецкому на Шипку телеграмму послать.

— Да вѣдь это еще какъ - бы онъ взглянулъ на дѣло... Скажутъ—рохли... Наша дивизія только что прибыла.

— Изъ тѣхъ, что раньше пришли на Шипку, пропасть померзло нашихъ.

— Да какъ же не замерзнуть? Вы посмотрите — развѣ это сапогъ?.. Паутина какая-то, а не сапогъ.

Дервишъ-гора кончалась... Путь упирался въ стѣну небольшой котловины... Вѣтеръ и бѣлыя тучи снѣга проносились надъ нею въ высотѣ... Здѣсь было тихо... Здѣсь и снѣгу было мало...

— Нужно дать отдыхъ...

— Самый подходящій уголокъ для этого.

— Соберите-ка полкъ сюда!.. Горнисть, труби скорѣе!

Горнисть, съ покраснѣвшимъ носомъ, приложилъ трубу ко рту, собралъ всѣ силы, надулъ щеки во всю—но, какъ оказалось, старался совершенно напрасно. Труба его была безсильна перекричать бурю... Ближайшіе его слышали; къ остальнымъ доносились только грохотъ мятели и пронзительный визгъ вѣтра, который врвался въ узкія тѣснины между утесами.

— Нужно поѣхать самому!..

И полковникъ, грузно взобравшись на усталаго коня, поѣхалъ на встрѣчу полку.

Скоро въ котловину собрались всѣ, въ комъ еще осталось хоть немного силы добраться до этого сравнительно безопаснаго пространства. Солдаты до краевъ наполнили его... Безмолвіе между ними. Сидѣли, понурясь, не поднимая головы, слушали бурю, проносившуюся вверху надъ ними... Тяжело дышали намученныя груди...

А сѣрыя тучи еще быстрѣе бѣжали на югъ... Еще быстрѣе, точно имъ хотѣлось, какъ можно поскорѣе оставить позади это царство ужаса... На востокъ темнѣло... Ранняя зимняя ночь приближалась оттуда, на встрѣчу вихрю и мятели...

ГЛАВА II.

Надъ бездной.

Отряду не долго пришлось отдыхать въ сравнительно спокойномъ мѣстѣ. Не успѣли еще подтянуться отставшіе, какъ голова колонны уже стала выстраиваться вверхъ вдоль дороги, по которой во всю мочь бѣсился горный вѣтеръ...

Казалось, онъ хотѣлъ похоронить этихъ смѣльчаковъ. Вершины горъ, съ которыхъ вихрь срывалъ бѣлыя струи снѣга, казались головами лежащихъ великановъ съ развѣвающимися во всѣ стороны сѣдыми волосами... Отсюда утомленнымъ взглядамъ солдатъ дали являлись еще ужаснѣе... Горы за горами, скаты за скатами. По бѣлому фону снѣговъ—синія тѣни лощинъ...

— Нашли время для похода!—недовольно проворчалъ полковой командиръ, когда лошадь его чуть не отнесло въ сторону внезапнымъ порывомъ урагана. Конь, храпя и озираясь, сталъ пятиться назадъ, въ только что оставленный спокойный уголокъ. Копыта его скользили по обледѣвшей поверхности дороги... Онъ пересталъ слушаться удилъ и подъ ударами нагайки только подергивалъ кожей да встряхивалъ ушами.

— Того и гляди, сорвешься,—отозвался адъютантъ, котораго сквозь легонькое пальтецо питерскаго покроя давно уже пробрало морозомъ и вѣтромъ. Онъ поднималъ барашковый воротникъ; но холодъ сквозь него еще ощутительнѣе перехватывалъ шею...

Сильный порывъ вѣтра отнесъ въ сторону слова говорившаго и залѣпилъ ему все лицо снѣгомъ. Куда онъ ни поворачивался, вѣтеръ, казалось, дулъ отовсюду. Снѣгъ колотъ щеки и носъ точно мелкими иглами. Сквозь рукавъ проникалъ внутрь, — такъ что локти и плечи схватывало острую ревматическую болью... Солдатамъ пришлось еще хуже...

— Послѣднія времена, братцы!..—роняетъ одинъ, падая лицомъ прямо въ снѣгъ.

— Помирать — одно слово!.. — приваливался рядомъ товарищъ.

— Вы чего?.. Въ началѣ пути уже лоскомъ ложитесь,—налеталъ на нихъ офицеръ; но тѣ даже не поворотили головы.

— Вы, вашескорodie, не троньте... пущай ихъ! — вступался фельдфебель.

— Замерзнутъ вѣдь.

— Не... Отдышутся... Я посмотрю... Только они съ легкимъ сердцемъ глонуть воздуху, я ихъ подыму сейчасъ. Не дамъ имъ проклаждаться такъ-то. Ну, дыши, дыши ребята... Глони снѣжку, снѣжку-то глони. Посвѣжѣть.

Солдаты глотали снѣгъ, и, дѣйствительно, ихъ освѣжало... Поднимались и шли снова впередъ... Зачастую по обледенѣлой поверхности дороги несчастные падали, сбивали съ ногъ другихъ и съ усиліемъ, цѣпляясь другъ за друга, приподнимались, чтобы упасть тотчасъ же... Нѣкоторые сплелись, было, руками локоть за локоть; но одинъ падавшій увлекалъ за собою остальныхъ и, усталые, только стонали...

— Ну, походы!..—остановился одинъ.

— Что, Артемьевъ?—обогналъ его офицеръ.

— Неспособно!.. Бѣда, вашескорodie... Смерть!..

— До смерти еще далеко...

— Гдѣ далеко. Вотъ она здѣсь сторожить и ловить. Только ты поддался,—она сейчасъ.

— Сапоги—вотъ,—вмѣшался другой.

— А что?

— Томятъ... Въ городу они ничего, а здѣсь, вашбродь, нога страсть въ нихъ тоскуетъ... А у кого и совсѣмъ развалились. Вонъ у Степанова, нашей роты, совсѣмъ ноги отнялись, отмерзли, потому обулки у него во всѣ стороны... Въ четырнадцатой девизіи—сказывали намъ—чудесно...

— Чѣмъ это?

— Да у нихъ сухарные мѣшки тоже на обулку пошли.

— Ну?

— И шкуры, которыя остались отъ битаго скота... Чудесно... Такъ они обвертѣли себѣ ноги, будто въ банѣ.

— Ничего не подѣлать... Ноги не идутъ... Вымерзли...